

Общественные пространства и их системы в Иркутске: уничтожение и создание

Диалог архитектора и культуролога во время прогулки по городу

текст
Елена Григорьева
Марина Ткачева

*Из глины делают сосуды,
но употребление сосудов
зависит от пустоты в них.
Пробивают двери и окна,
чтобы сделать дом,
но пользование домом
зависит от пустоты в нем.
Вот почему полезность
чего-либо имеющегося
зависит от пустоты.
Дао дэ цзин*

ЕЛЕНА ГРИГОРЬЕВА Общие пространства легко определимы. Вот мы идем по городу: улица, скверик, площадь, набережная, парк – это все они и есть. Что бы мы ни проектировали – жилые дома или магазины, детские сады или школы, – общественное пространство создает ту «лимфу», которая их омывает и делает возможным само их существование.

В последнее время общественные пространства, их модернизация, их влияние на качество жизни и соответственно конкурентоспособность города постоянно обсуждаются на самых разных мировых форумах. То же и в России («Архмосква» и Московский урбанистический форум тому подтверждением), и у нас в Иркутске (круглый стол ЗВС-12, тема ноябрьской конференции и предстоящего Зимнего университета).

МАРИНА ТКАЧЕВА Значение открытых пространств в городе возрастает: они «притягивают» такие формы общественной жизни, в которых горожане имеют возможность разнообразной деятельности: отдых, спорт, чтение, общение, прогулки с детьми, застолье...

ЕГ Да, это один из главных способов взаимодействия общества и городской застройки, и в будущем организация муниципальных образований будет «программироваться» именно их наличием (или отсутствием). Сегодняшние споры о возможном исчезновении общественного пространства под растущим влиянием новых медиатехнологий мне кажутся второстепенными по сравнению с вопросом о том, кто и как их будет проектировать, кто и как использовать?

МТ Да, останавливаться на решениях вчерашнего дня уже невозможно.

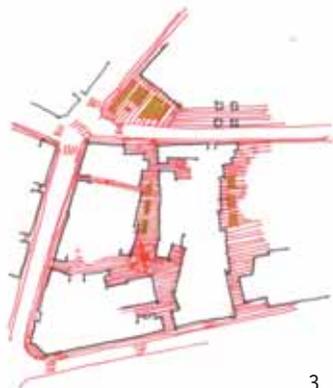
Я думаю, не помешает обозначить качества, абсолютно необходимые для них. Первое из них – это общедоступность, открытость. Второе, как мне представляется, – это свобода самопроявления людей (разумеется, в пределах социально-позитивного поведения). Третье – безопасность. Позиционировать общественное пространство как территорию безопасности – важнейшее условие ее успешного функционирования. Следствие третьего – это освещенность. Человек, существо «солнечное» по происхождению, тяготеет к светлым территориям и пространствам.

Я дилетант в вопросах теории, но люблю наблюдать повседневность и то, что происходит как «само собой разумеющееся». Вот несколько соображений по этому поводу.

Функциональное взаимодействие открытых пространств и тех зданий, около которых они располагаются, в настоящее время зачастую программируется именно назначением закрытых помещений: возле магазинов лепятся парковки (подчас несанкционированные), торговые ларечки, почтовые киоски, фастфуды и т. п. Перед офисными зданиями свободное пространство вряд ли может быть даже названо свободным: оно сокращено до абсолютного минимума. При этом прилегающая к офисам территория огораживается, а въезд на нее всемерно ограничивается.

Владельцы и арендаторы помещений мало заботятся о смысловом наполнении территории перед зданиями. Типичным способом их организации считается обеспечить передвижение людей из одной точки в другую. Это даже трудно назвать променадами – так, перебежание из магазина в магазин, из конторы в забегаловку. Но даже в этой, чрезвычайно убогой функциональности люди оказываются подчас в экстремальной ситуации.

Вот торговая площадь перед рынком и торговым комплексом. Большая ее часть уже «съедена» торговыми павильонами сомнительной комфортности: ни места для товара, ни удобных примерочных, ни туалетов. Даже переход через улицу на светофоре подчас затруднен: слишком много людей толпится на светофорах, слишком узок тротуар. Не обеспечены условия для полноценного функционирования и вокруг нового торгового центра «Карамель»: уже привычное для

4

5

Иркутска отсутствие парковок, затрудненное передвижение пешеходов вокруг здания (впрочем, и внутри тесно, толчея стала привычным сопровождением почти любого похода в магазины). Стоит задать вопрос: не слишком ли мы злоупотребляем сложившимся в прошлом стереотипом, что, дескать, торговля должна быть приурочена к центру города? Напомним, что во времена, когда этот уклад был само собой разумеющимся, границы города существенно отличались от сегодняшних.

А вот центральные улицы: Тимирязева, Дзержинского, Литвинова, Партизанская. Сломанная тротуарная плитка, искореженный от времени и огромной лавины людей асфальт, отсутствие ливневок и, как следствие, затопление проезжей части и тротуаров дождевой водой даже при малейшем намеке на «серьезный» дождик.

Предпочтительные виды деятельности горожан всегда можно определить по маршрутам общественного транспорта. Например, первая линия трамвая в Иркутске была проложена между железнодорожным вокзалом и рынком. И это уже говорит о многом в менталитете иркутян: такое сверхутилитарное отношение к пространству, «точечное» восприятие его функций, умение обходиться минимумом удобств и места.

Когда я приехала в Иркутск впервые, меня поразило отсутствие привокзальной площади: рельеф не позволяет расширить пространство перед вокзалом. Назрела потребность (и она уже стала задачей для городского руководства) спроектировать и осуществить альтернативные предложения, облегчающие не просто перебежание, но полноценное передвижение пешеходов в этом абсолютно служебном и необходимом общественном пространстве.

ЕГ Согласно, что «точки попадания в город» формируют первоначальное впечатление от него, создают установку на восприятие его комфортности и «человеческого измерения». Лицо города и его ценность главным образом определяется по общественному пространству. Правда, не следует, как это получилось в твоей реплике, говорить только о текущей повседневности. Я хочу сказать о более крупных, принципиально важных ситуациях и примерах.

Уничтожение

Перекресток улиц Ленина и Горького, фото 80-х годов XX века (2). Система общественных пространств здесь подключена к скверу Горького, продолжается под пилонами Радиодома, потом поворачивает и соединяет улицу Горького с улицей Карла Маркса единым широким пешеходным променадом (3). Прочитав Константина Лидина: «Замысел архитектора (Николая Белякова) полностью соответствовал градостроительной ситуации: зал поднят над сквером, переходящим в небольшую площадь, на четырех пилонах. Площадь перед ИГТРК связана со сквером Горького и с пешеходным пространством, идущим от ул. Горького к кинотеатру «Гигант» («Второй этаж»). Однако семейный бизнес одного из влиятельных депутатов Городской думы оказался важнее, чем интересы развития города. Вопреки и в нарушение целого ряда законов общественное пространство между пилонами было застроено, сквер лишился половины своей площади, а пешеходы – удобного и безопасного прохода с улицы Ленина на улицу Горького» (Лидин К. Маршрут 7. Общественные пространства. ПБ. № 29–30. С. 153).

Тротуар сузился буквально до полутора метров. После того, как была введена в эксплуатацию парикмахерская, при ремонте дорожного полотна границу проезжей части улицы даже пришлось чуть-чуть сдвинуть, чтобы расширить тротуар, потому что он был просто безумно узким.

При сравнении фото 80-х с современным состоянием (1) бросается в глаза еще один аспект общественного пространства – присутствие в нем рекламы. Красота кирпичной стены и культура строительного материала как таковая, видимо, не воспринимается теми, кто размещает рекламу в городе. Для сопоставления – свежее фото из нашей культурной столицы, Санкт-Петербурга (4): видна и скульптура вдали, и променад оформлен, и реклама отсутствует. А информация (в том числе и рекламная) размещена в стеклянных призмах.

В нашем журнале несколько лет существовала рубрика «Скверы, которые мы потеряли». Она обозначала позицию части профессионального сообщества по поводу захвата общественных пространств коммерче-

6

скими структурами, и происходит это с молчаливого позволения городского сообщества. Набережная реки Ангары, традиционно любимое, а долгое время – единственное место прогулочного отдыха горожан (6). Она не всегда была благоустроенной. Несколько десятков лет тому назад ее расчистили, провели берегоукрепление, вымостили, озеленили. Имелось в виду, что кафе и прочие предприятия обслуживания будут размещены в расположенных поблизости кварталах. Однако уже в 2000-е годы произошло несколько вопиющих захватов. На месте одной из последних общедоступных спортивных площадок, в непосредственной близости от моста через Ангару, воздвиглось офисное здание. Ресторан «Нежный бульдог» занял часть парка, называвшегося в старые времена «Сад Парижской коммуны»; там когда-то играл духовой оркестр, танцевали горожане. Частный ресторанчик «Акула» (5) просто прервал непрерывность набережной, его теперь надо обходить. Владельцы «Акулы» поставили знак: «Внимание, частная собственность». Но эта частная собственность создана на общественном пространстве...

МТ Неплохо бы вспомнить, что еще в начале XX века здесь находился городской общедоступный сад.

ЕГ Недавно в Москве, на территории уютного сквера в Текстильщиках, вырубил в парке деревья для строительства двухэтажного ресторана. Это один из шести дендроскверов, созданных в середине 60-х. Жители вышли на улицу, последовал репортаж по каналу «Россия» – и возведение ресторана приостановлено. У нас в свое время аналогичные действия застройщиков и муниципалитета не вызвали возражения жителей. Отторжение наблюдалось только в профессиональной среде архитекторов, да и не у всех: понятно, что все нарушения делаются при непосредственном участии наших коллег.

Для профессионалов понятно, что в новых районах общественные пространства закладываются в генплан города, в проекты планировки. В реальности же они появляются не сразу. В натуре мы видим заваленные мусором и поросшие сорной травой пустыри.

МТ Замечу, что «выдерживать» предназначенную для общественного пространства территорию в состоянии пустыря – верный путь к успеху незаконного

захвата: ведь пустырь – территория беспорядка, тревоги, опасности. Настроения местных жителей, которые постоянно с ней соприкасаются, непременно будут склоняться в сторону «хоть какого-то порядка». И предприимчивые строители с чиновниками действуют по отработанному сценарию: назвать будущий сквер или бульвар (8) пустырем – и поставить гаражные боксы (7), проложить теплотрассу прямо над землей, построить многоквартирный жилой дом. В общем, «как вы яхту назовете – так она и поплывет».

ЕГ Иногда дело доходит до абсурда: вот район, который называется бульвар Рябикова. Но там, где по градодокументации планировался бульвар, теперь жилая застройка. Название бульвар Рябикова осталось, хотя бульвара уже нет, и сделать его уже невозможно.

Между микрорайонами Первомайским и Университетским, характеризующимися очень плотной структурой, находится падь Долгая. Буквально до последнего времени там сохранялись просто удивительные вещи: рос багульник, в ручье водились ондатры... По проекту застройки падь обеспечивала места отдыха эти сверхплотные, очень экономичные, построенные в 80-е годы районы. В начале XXI века городская администрация одной рукой заказывала проект благоустройства этой территории, а другой благословляла строительство на ней гаражей и автопарков.

МТ Я сама живу в микрорайоне Университетский и знаю, что ручей завален мусором практически по всему течению, зелень почти вытоптана, пространство между Академгородком и Университетским активно застраивается коттеджами. Хотела добавить, что там, где нечем заняться, где не смоделирована и не осуществлена стратегия социально-культурной деятельности, непременно воцаряются варварство и разруха. Это мы и видим в случае с падью Долгой.

Я в начале разговора упоминала, что разные категории людей по-разному используют общественные пространства. В первую очередь подразумевается рекреация. Но именно наиболее активной части – молодым людям – нечего делать на пустырях и детских площадках. У нас в одном из дворов оборудовали небольшую

9

площадку для занятий на скейтах (наподобие той, которая была за кинотеатром «Гигант»). Жильцы жалуются на шум – и их тоже можно понять: на выражах и горках, сделанных из металла, стоят грохот, крики... А заняться какими-то массовыми спортивными видами энергичным, сильным молодым людям особенно и негде. Велодорожки не предусмотрены, в жилых массивах не предусмотрены спортплощадки; ехать «за спортом» приходится опять же в центр. Но и здесь общедоступные спортплощадки мало-помалу либо переводятся в ранг элитных, либо застраиваются (офис на набережной, о котором мы уже говорили, по улице Володарского – офис следственного комитета вместо общедоступного корта, по улице Свердлова, почти напротив Гражданпроекта, – тоже очередной офис). Пока что есть все основания сказать, что мы теряем массовый спорт, о необходимости которого говорится на самых высоких этажах власти; мало-помалу Иркутск превращается в город без спорта. Это довольно опасная тенденция: ведь спорт, кроме здоровья, дает возможность выплеснуть энергию, снизить градус социальной агрессии (достаточно вспомнить футбол в Бразилии).

Конечно, вложение денег в обустройство уже существующих полузаброшенных парков и стадионов прямой и быстрой выгоды не приносит. А менталитет иркутского бизнесмена по инерции зачастую ориентирован только на быструю и индивидуальную выгоду. Но тогда еще большее значение приобретает городская власть, на которую по традиции возлагаются чуть ли не все надежды на улучшение городской среды. Мы, как всегда, спохватимся спустя лет пять-десять, когда и «Автомобилист», и «Труд», и парк железнодорожников будут застроены и вытоптаны?

ЕГ Опасная тенденция. В прямом и переносном смысле нездоровая. Самое время вспомнить о заветах Международного союза архитекторов:

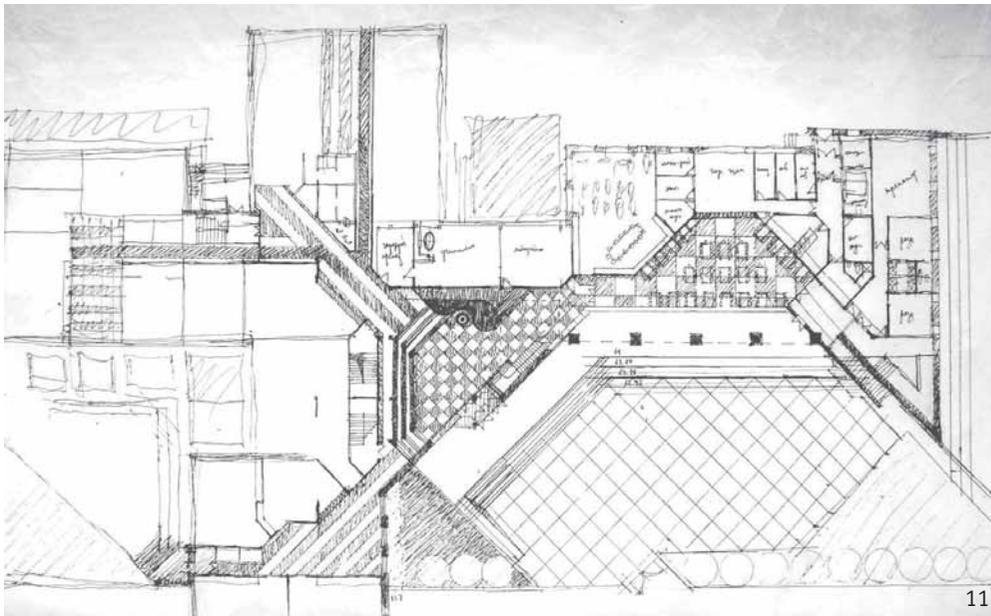
«Первейшим долгом архитекторов как профессионалов является забота об обществе, которому они служат. Этот долг превалирует над их личными интересами и интересами заказчиков. ...Архитекторы, удовлетворяющие стандартам, приведенным в настоящем «Соглашении», благодаря полученному образованию,

уровню компетентности и усвоенным морально-этическим нормам поведения, будут способны блюсти высшие интересы тех сообществ, которым они служат».

Из преамбулы одного из главных документов Международного союза архитекторов «Соглашения МСА по рекомендуемым международным стандартам профессионализма в архитектурной практике».

10

11

12

Создание

ЕГ В Иркутске есть и позитивные примеры, возникшие в последние годы.

Первый прецедент. Коллектив архитекторов под руководством Владимира Стегайло объединил разрозненные торговые здания (в прошлом – промышленные цеха завода тяжелого машиностроения им. Куйбышева), вокруг нового общественного пространства. Именно благодаря архитектору произошло это объединение вокруг нового линейного общественного пространства (9, 10) – пешеходной улицы, которая выходит к магистрали, перебрасывается мостиком над магистралью, выходит к Ангаре, соединяется с набережной, образуя не одно, а целую систему общественных пространств.

Здесь уместно лирическое отступление – пояснение – экскурс в историю. Иркутская архитектурная школа, созданная Павловым, предполагает не проектирование объекта изнутри, от частного, а проектирование среды, частью которой и является собственно объект. Проектирование осуществлялось снаружи, «от города». Этот принцип не имел исключений. Даже при работе с социальными объектами многократного применения – детскими садами и школами – объемно-планировочное решение создавалось таким образом, что вокруг здания образовывались разные по конфигурации и функциям пространства, в том числе общественные. В частности, в школах обустроивались нормативные площадки для активного отдыха, торжественных построений и т. п., образуя аванплощадь с амфитеатром. Сценировалось действие на главном входе этой площади. Через витражи она связана с внутренними площадями – с трехсветным атриумом и с обеденной зоной. Происходит взаимопроникновение общественных пространств изнутри наружу (11).

Второй прецедент – расширение Байкальского государственного университета экономики и права. Здесь удалось сохранить традиционные внутриквартальные маршруты, соединяющие три главных улицы Иркутска – Карла Маркса, Горького и Ленина. Длинный квартал в границах улиц Карла Маркса – Ленина – Горького – Сухэ-Батора исторически перерезался двумя пешеходными траекториями. Одна (о которой упоминалось в начале разговора) – позади кинотеатра «Второй этаж»,

вторая же проходила как раз через территорию БГУЭП. Университет разрастался, наращивались новые блоки. Но удалось найти взаимопонимание с заказчиком и не только сохранить эти транзитные проходы, соединяющие три улицы, но и создать внутри небольшую круглую площадь. Центральный блок в виде незамкнутого кольца был поднят над землей на «ноги». Его конфигурация и сформировала площадь.

МТ Такое защищенное внутреннее пространство не могло не стать «волшебным местом»: студенты там совершают всякие магические обряды, становятся на одну ногу, загадывают желания перед экзаменом...

ЕГ Последний по времени строительства (но я надеюсь, не последний в истории развития Байкальского университета) учебный блок, спроектирован так, чтобы визуально направлять движение; и этот отрезок пешеходной улицы тоже стал любимым местом студентов и горожан (12).

И наконец, третий прецедент – создание нового общественного пространства в чистом виде (на этом месте его прежде не было). Это наш знаменитый исторический 130-й квартал. Не все осознают, что в этом квартале две главные идеи. Во-первых, это воссоздание, приведение в порядок и наделение новыми современными функциями деревянной застройки, чтобы показать, что дерево может жить сегодня, в XXI веке. Во-вторых, это создание цепочки общественных пространств – от площади Входаиерусалимской церкви, через мемориальный парк на Иерусалимской горе и Театральную площадь, а через квартал – на набережную и на острова Ангары.

МТ Кажется, эта идея в иркутской архитектурной традиции существует давно?

ЕГ Да, идея трансгородской цепочки общественных пространств была заложена архитекторами-шестидесятниками во главе с Вячеславом Воронежским – через весь город, от Ушаковки до Ангары. Они образовывали зеленый пешеходный диаметр. К сожалению, в лихие 90-е землеотвод под жилую застройку «Новый город» перечеркнул градостроительную ось, соразмерную по масштабу с главной осью Парижа.

МТ Это такая несостоявшаяся, несущественная идентичность Иркутска...

13

14

ЕГ Здесь, в проекте квартала, мы увидели возможность осуществить эту драгоценную градостроительную идею шестидесятников хотя бы на отрезке от Иерусалимского парка. Можем сказать, что частично это уже удалось: платформа Театральной площади перешагнула улицу Седова, и лестница опустилась на террасу главной площади квартала. Сейчас дело за тем, как будут сделаны эта центральная площадь и переход через магистральную улицу 3-го Июля; тогда замысел будет работать полноценно. Конечно, остается вопрос, как элегантно пройти к Ангаре в прилегающем квартале.

МТ Голод жителей города по общественным пространствам таков, что сюда просто хлынул народ. И в морозы, и в жару, и, конечно, в праздники, когда здесь происходят особые действия, квартал полон народом. В разное время суток и в разных местах там бродят, целуются, гуляют разновозрастные группы. В дни бракосочетаний квартал – уже культовое место со своей «свеженькой» мифологией (14). Давно замечено, что возникновение мифологии – верный признак жизнеспособности места: там появляются свои «духи-покровители», суеверия, ритуалы... На Масленицу 2011 года в только частично реализованной части пешеходной улицы, еще без главной площади, побывало 10 тысяч жителей.

ЕГ Мы наделили каждое общественное пространство на этой территории своим названием, своей функцией: «духовность», «культура», «история», «здоровье», «природа» (13). Когда квартал еще проектировался, мы обращались ко всем слоям населения (и особенно – к власти), поэтому старались образно представить его будущие функции. Главная площадь квартала и его общественное ядро – это звено в цепочке непрерывных трансгородских общественных пространств. Становится понятно, что окружающая застройка должна быть сомасштабна этому кварталу; здесь нельзя допускать зданий большой высоты. Эту идею понял и поддержал предыдущий наш губернатор, надеюсь, что какая-то преемственность сохранится.

Со стороны улицы Ленина находится стрелка. Здесь было лютеранское кладбище, здесь, кстати, захоронен первый иркутский губернатор Фраундорф. Именно

поэтому мы ее как общественное пространство принципиально не трогали, даже благоустройство не проектировали.

Конечно, в процессе отведения участков и строительства возникли проблемы: на особых условиях был отведен участок площади внутри квартала единому инвестору-застройщику. И конечно, как всегда, у инвестора площадь здания выросла с 28 тыс. квадратных метров до 38. Объект лезет из-под земли. При этом сокращается главная функция многоуровневого пространства – автостоянка: вместо двух подземных уровней остается уже один. И мы боимся, что размеры этой площади сократятся, амфитеатр будет невозможен в принципе – не только стационарный, но и раздвижной. Там же, внизу, показано, как нужно относиться к зелени: мы исходили из идеи сохранения уже существующих лиственниц. Лиственницы сохранены, но большинство деревьев в квартале вырублено. Заказчик обещает, что они будут воссозданы. Поживем – увидим.

Зимнее использование надо было учесть обязательно, это очень важно для сибирских общественных пространств. Для недобросовестных проектировщиков и властей короткое лето – это предлог для отказа от идеи создания и сохранения общественных пространств. Мы сделали целый календарь разных видов использования: и каток, и ледяные и снежные скульптуры, сноуборд в центре города (кстати, площадь для сноуборда недавно открыли в центре Москвы).

В трех примерах создания, сохранения и воссоздания общественных пространств, которые мы рассмотрели, заказчики сами про общественное пространство, возможно, и не вспомнили бы. Благодаря ответственности архитекторов, благодаря тому, что они нашли подход к заказчикам, отчасти благодаря и заказчикам, которые были способны воспринять градостроительные идеи, эти пространства в Иркутске состоялись.

Хочу напоследок повторить: дорогу осилит идущий. Если в проектировании исходить из целостности города, общественного интереса, быть настойчивыми в отстаивании своего подхода, то успеха добиться можно, невзирая на все сопутствующие сложности и затруднения.